

Нарыков Николай Владимирович

доктор философских наук, профессор,
начальник управления учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России

Тагиров Ф.В.

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры
социальной философии
Российского университета дружбы народов

РАСТВОРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО

Аннотация:

Полноценным бытием было бы то бытие, у которого каждая грань находила себя включенной в символическую игру, т.е. обменивалась бы на другой символ или семью символов без остатка в виде пустых символов или бессмысленных предметов, то бытие, у которого ни одна грань не выпадает, не оказывается оторванной от остальных, то бытие, которое бы преодолело собственную фрагментарность. Именно такое бытие следовало бы считать подлинным бытием. Символическим полем для такого бытия могло бы стать только поле, способное последовательно охватить и наделить смыслом его грани все без исключения.

Ключевые слова:

Социальное, символическое, растворение, бытие, фрагментарность.

Narykov Nikolay Vladimirovich

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the teaching work,
Krasnodar University Russian Interior Ministry

Tagirov F.V.

PhD,
Senior Lecturer, Department of Social Philosophy of
the Russian University of Peoples' Friendship

DISSOLUTION OF SOCIAL OR SYMBOLIC REVIVAL

The summary:

Being full would be the existence, in which each face is itself included in a symbolic game, ie would be exchanged for a different character or seven characters without a trace in the form of white space or meaningless objects, the existence, in which no one face does not fall, is not separated from the rest, being, which would overcome the fragmentation of its own. This being should be considered the authentic being. Symbolic field for such an existence would be the only field that can consistently capture and make sense of the faces of all without exception.

Keywords:

Social, symbolic, dissolution, being, fragmentation.

Разрушение единого ценностного пространства, виртуализация реальности и вирулентизация индивидуального «Я» ведут ко все более радикальному смещению основных экзистенциальных матриц с полюса упорядоченности к полюсу хаоса. Будет ли это концом социальности или переходом к ее новому воплощению? Какие формы может принять стяжание человеком бытия в новом контекстуальном поле? Исторически это стяжание выражалось в приобщении к некой подлинности и целостности. Ясно, что «изжившие» себя, «превзойденные» формы религиозно-метафизического дискурса, как правило, не способны послужить адекватным воплощением современного бытийственного поиска.

Ответом всеобщему растворению и смешению как на социальном уровне, так и на уровне личностном могло бы послужить возрождение единого символического пространства, между точками которого осуществляется непрерывный обмен смыслами. Это символическое пространство должно было бы расширить область значимых интенсивностей за пределы предметно-функциональной действительности, объяв собой и объединив все сферы бытия, доступные человеку.

Идея символического обмена, как она представлена в данной статье, восходит к концепции Жана Бодрийяра, однако с одним с одним существенным отличием. Цель символического обмена у Бодрийяра — преодолеть заорганизованный порядок, установленный сообразно отвердевшей ценности, связь с которой осуществляется преимущественно механически. Сама эта ценность, в прошлом, возможно, соотношенная с неким реальным положением вещей, сегодня уже ни на чем не основана, ни к чему не отсылает, т.е. является симулированной. Символический обмен происходит в обход этой отвердевшей ценности. Он осуществляется сообразно тому, как сами символы и образы соотношены между собой. Мы же предполагаем, что за естественной соотношенностью символов все-таки стоит некая организация (отличная от аксиологической), которая может быть также доступна человеку посредством смысловой соотношенности.

Преодоление процессов дробления, всесмещения и подмены не может быть осуществлено просто на основе символического обмена, не имеющего определенного объединяющего

начала. В качестве подобного начала можно взять сам принцип эквивалентного обмена. Сообразно этому принципу все явления, доступные человеку, а также все уровни человеческого бытия предположительно оказываются соотнесенными между собой, и эта соотнесенность открывается нам через символ или смысл.

Проблема заключается в том, что если некая единая символически-смысловая матрица коренится только в умах людей, объединение на ее основе могло бы явиться лишь одним из процессов глобализации, который при этом заранее обречен рано или поздно провалиться, поскольку осуществляется в эпоху поиска разногласий. Лишь в случае онтологической укорененности этой матрицы можно говорить об объединении на некоторых глубинных основаниях; в строящемся на них символическо-смысловом поле и будет явлена множественность, обретаемая через поиск разногласий и иные индивидуализационные процессы.

Индивид, некогда существовавший сообразно универсальному ценностному коду, стремится к тому, чтобы стать относительно самостоятельным приложением системы. Еще немного — и он уже не часть кода, поскольку уже и сам код — больше не код-маршрут, а лишь территория, открывающая движение в почти произвольном направлении. Закрываем глаза. Когда мы их откроем, территория уже будет ускользающей, едва намеченной циркуляцией индивидуальных программ. Автономная программа, всячески избегающая скольжения по проложенным каналам универсального порядка, игнорирующая или противостоящая единому коду, с неизбежностью обретает все больше свойств вирулентного характера. Современный номад желает отличаться, но при этом маскируется под Другого, порой он маскируется даже под самого себя, при этом будучи уже кем-то другим, может играть в преемственность, на деле обладая почти избыточной свободой детерриториализации в доступном современному человеку знаковом и символическом пространстве.

Автономная программа становится вирусом. Вирусом становится каждый номад. Достаточным условием для разрушения кода является наличие одного-единственного вирулентного агента, чья хитрость превзойдет хитрость системы. Код постепенно окажется перекодирован, околован, заражен и обращен антилогикой вируса. Тело кода обратится в пульсацию вируса, пирующего на поле космоса, ставшего мягким и рассыпчатым, лишившись последних принципов собственной организации.

Если единственный вирус способен погубить или обратить ослабленный организм, то несколько вирусов наверняка найдут брешь в иммунной системе еще быстрее. Множество вирулентных форм должны едва ли не сразу, одним фактом своего возникновения, поставить систему у самого порога, за которым — Хаос. Нам, стоящим на этой черте, отпущено только строить предположения, однако все более и более джлящееся балансирование у последней черты подталкивает нас к вопросу, а не наблюдаем ли мы как раз ту самую последнюю хитрость системы, превосходящую по эффективности любой антивирус, а по вирулентности и брутальности — любой из вирусов? Один вирус опасен, несколько смертоносных вирусов суммируют свою гибельность, но бесчисленное множество — не будет ли оно содержать на каждую программу смертельного отклонения не менее опасную программу встречного движения, находящегося в противофазе к первому? Потенциально — да. Реально... Распахнуть настезь прохуdivшийся сосуд Пандоры, так чтобы таящиеся там напасти нейтрализовали друг друга — шаг в высшей степени рискованный и дерзкий, и пойдти на него человек, он стал бы величайшим стратегом за всю историю человечества. Поскольку же вся сегодняшняя ситуация едва ли является плодом усилий отдельной личности, можно предположить, что это — новое слово в механизме иммунной системы. Чтобы победить код, вирус имитирует его, подражает ему. Возможно, код, чтобы не раствориться в хаосе, перенял логику вируса и обманул его, прикинувшись вирусом, подыграв ему... Без всякого сомнения, этот код — уже код в его обращенной форме. Код, зараженный вирулентностью. Но пока он достигает поставленной цели: ни один из вирусов не способен добиться доминирующей позиции более, чем на ограниченное время, недостаточное для реформатирования системы на свой лад, и каждая из индивидуальных программ нуждается в сохранении общего пространства, полувиртуального поля существования и коммуникации.

Возможно, хаос обойден или отсрочен, и то, что мы наблюдаем, есть становление Нового порядка, основанного на сверхгибком мультикоде.

Если в прошлом код был иерархичен, т.е. вертикален, был способен отсылать к Трансцендентному другому, предполагаемому на самой вершине пирамиды, то новая сверхгибкая инкарнация кода есть плод опускания верхушки пирамиды в плоскость ее основания и ее растворения так, чтобы центр как первый смысл утратил любую определенность своей локализации и циркулировал по всей сети. Очевидно, что этот бунт против проявленной, очевидной иерархии и последующее пренебрежение ею делают ведущим вектором нового кода вектор горизонтальный.

Что же мы наблюдаем в горизонтальной плоскости новой социальности? Очевидно, что механизмом достижения ее сверхгибкости является усложнение социальных связей и рост их вариативности. Социальные отношения обогащаются уже не столько за счет производства, потребления, сколько за счет коммуникации, театрализованной, расширенной все возрастающим множеством моделей проведения досуга и самораскрытия. Социальное все более становится прежде всего коммуникационным, превосходящим пространственные и, отчасти, временные границы, выходя за рамки узко этнической или культурной общности, обволакивая собой почти весь глобус, игнорируя политические, возрастные и прочие укореняющие, территориализующие различия и оставляя лишь различия детерриториализующие. Социальное становится полем того, что Лиотар еще три десятилетия назад назвал «языковыми играми» [8].

Языковые игры — это состояние социального, когда единое и универсальное заменяется дробным и индивидуальным. Когда стержень растворен, и каждый открывает возможность невиданного ранее выбора и участия. Когда человек уже не принадлежит Трансцендентному другому, трансцендентному вообще, когда «каждый предоставлен сам себе». Оторванный от Трансцендентного другого, «каждый знает, что этого «самому себе» — мало», и, как уже неоднократно отмечалось, он обращается к простому другому, погружается в коммуникацию как квинтэссенцию обращенности на другого.

Еще со времен Платона (если не раньше) известно, что любой диалог должен вести к консенсусу. Сократовская майевтика позволяла прийти к истине, единой для собеседников. Истина рождается в споре, говорили на протяжении веков. С утратой истины ее универсальности консенсус становится переменной величиной. Лиотар обращает наше внимание на то, что «консенсус — это лишь одно из состояний дискуссии, а не ее конец». Дискуссия следует в фарватере поиска различий, коммуникация выявляет индивидуальное, различное, собственно, само ее осуществление основано сегодня на перескакивании с одного на другое, на игре, а не на трансляции. Дискуссия, по мнению Лиотара, отныне опирается на две пульсирующие линии, коими выступают гетерогенность правил и поиск разногласий. Вслед за Богом исчезает и человечество как универсальный субъект.

Общество, которое идет на смену обществу кода производства и потребления, представлено как множественность конечных метааргументов, бесконечная множественность бесконечно конечных «самостей», занимающих то одни, то другие «узлы» линий коммуникаций. Особое внимание уделяется подчеркнuto временному характеру любых консенсусов, метааргументов и отношений. Изживается, отбрасывается за ненадобностью уже не вечность, а вообще сколь либо длительная протяженность, способная предписывать, предопределять, служить ориентиром. Вслед за отношениями сакральными, социальные отношения также стремятся стать все менее обременительными, предписанными, на смену предустановленной гармонии или *contract social* приходит сообщество случайных встречных и проходящих мимо с его логикой «курортного романа» и «одноразовых друзей». Собственно говоря, сама социальность в привычном нам смысле становится все более факультативной, общество превращается в гигантские соты, по ячейкам которых, пользуясь условно неограниченной свободой, циркулируют индивиды, следуя тем или иным предпочтениям такого же временного, потенциально одноразового характера, как и их «самости», как и их партнеры по коммуникации.

Мы можем увидеть в коммуникации высшую реализацию социального, но менее опрометчиво было бы продолжать интерпретировать коммуникацию лишь как одну из составляющих социального. Бесспорно, однако, что сегодня коммуникация стремится к доминированию надо всеми остальными частями социального в социуме и человеческого в человеке.

Несмотря на то, что при поверхностном взгляде картина кажется нам обратной (постмодерн, отрицающий модерн), современные тенденции не столько отрицают недавнее прошлое, сколько являются дальнейшим развитием его основных положений: индивидуализма, равенства, обращенного в равноценность концепций и требующего толерантности к Другому, наконец, ценности свободы, донесенной до индивидов универсальным кодом, а в дальнейшем выросшей до независимости от любого универсализма, от любого кода — как внешнего, так и внутреннего.

Однако безмерное дробление ценностей, смешение горизонтов человеческого бытия, правого и левого, верха и низа, бесконечный уход от самого себя в поле, где практически уравниваются все смыслы и символы, — это был лишь один из возможных вариантов преодоления знакового тоталитаризма кода. В качестве другой альтернативы был предложен символический обмен.

Символический обмен не является каким-то новым явлением, ни, тем более, чем-то, что идет к нам из будущего. Символический обмен не менее древний, чем сам человек. До тех пор, пока символы не выродились в знаки и ярлыки, пока аксиологическое значение находилось в

нерасторжимой связи с онтологической реальностью, иными словами, пока три мира — человеческий, природный и космический — мыслились в их единстве, человек продолжал пребывать в поле символического обмена. Его дух, обращаясь к тому или иному явлению, помимо элемента материально-предметной действительности, объекта, обращался к реальности, символом которой это явление служило, а, перемещаясь по символическому пространству, он открывал все новые и новые горизонты собственного бытия, находил или создавал смыслы и связи, качественно превосходящие смыслы и связи объектного отношения к элементам мира.

Современный человек, по большей части выпавший из символического обмена, утративший то богатство, которое некогда было ему доступно, тем не менее, знает некоторые формы деятельности, сохранившие в себе основные принципы символического обмена. В то время как наука, как правило, выстраивает ряды субъект-объектных отношений, экономика и политика строятся на той или иной форме отчуждения или симуляции. Возможность эквивалентного обмена сохраняется преимущественно в сфере эстетического. Оторвавшись, как и прочие виды человеческой деятельности, от своего изначального смысла, которым оно обладало в древности, искусство, пожалуй, в наибольшей степени сегодня является той сферой человеческого бытия, где творчество человека следует, прежде всего, законам гармонии.

Суть символического обмена — обменивать без остатка. Именно в обмене без остатка скрыт исток наслаждения, и именно остаток является тем, что портит наслаждение. Остаток — это то, что стоит за обменом, что превращает обмен в средство, что закрывает от нас самоценность обмена. Остаток привязывает прежде безостановочную циркуляцию символического к означаемым, будь то Великое означаемое или малое означаемое. Остаток — это ложь поэта, который, предлагая наслаждение поэзии, преследует иные цели, не имеющие к поэзии никакого отношения. Остаток — это неискренность любовника, для которого недоступна высшая интенсивность наслаждения, поскольку за его любовью стоит что-то еще. Остаток — это фетишизм и некрофилия верующего, который так долго изучал слово божье, что уже начал терять его смысл. Остаток — это также, когда Вы даете мне все, всего себя, все, что есть, а я, произведя определенные подсчеты, заключаю, что Ваше «Все» эквивалентно моей «Части» и что будет справедливо, обменяв равное на равное, сохранить оставшуюся часть себе. Тогда как тотальность не может равняться ничему иному, как другой тотальности, а бездна может обмениваться только на бездну.

Когда каждое действие обменивается на свой смысл, когда каждый удар обменивается на звук, каждый звук на резонанс в любой другой точке мира, а резонанс в свою очередь на наше понимание, обменивающееся на наше следующее действие, — обмен осуществляется практически без остатка. Когда истончается или, наоборот, грубеет связь между действием и смыслом, когда за смысл выдается нечто, способное значимым образом отрезонировать только в одной из областей человеческого бытия, возникает неистребимый остаток либо в виде действия, не соотносимого со смыслом, либо в виде «смысла», провисающего в пустоте, неживого, симулированного, отвердевающего в ценность. Экстатическое переживание полноценности собственного бытия отныне становится все более труднодостижимым, опосредованным химическими или идеологическими медиаторами, наслаждение оказывается перераспределено в ограниченном наборе проявлений, регламентированном ценностным кодом.

Очевидно, что позитивистски-прагматическая сосредоточенность неизбежно ведет к ограничению и сужению значимых для человека величин и смыслов. А все, что остается человеку в результате этой редукции, — это, по преимуществу, предметно-практическая деятельность, некогда мыслимая лишь в качестве одной из сфер проявления человеческого духа, притом, как известно, не главной. Качественные интенсивности, доступные человеку благодаря наслаждению символического обмена, все более сменяются количественными, поскольку отныне обмениваются не символы, не смыслы, а предметы, утратившие способность отсылать к этим смыслам. Символический обмен способен объединять количественную множественность мира сообразно некоторому качественному принципу, растворенному в этом мире. Там, где возможности символического обмена ограничены, остается возможным только количественный обмен, само качество все более переоценивается как качества, обмен между которыми осуществляется сообразно тому же количественному принципу. Мы наблюдаем пример антитезиса к пресловутому гегелевско-марксистскому диалектическому принципу «перехода количества в качество».

За обменом символами всегда стоит что-то еще. Выделившись из животного царства, «человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме, — пишет Кассирер. — [7,471] Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней, так сказать, лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая деятельность человека» [7, с. 471]. Кажется, что символ действи-

тельно становится посредником между человеком и реальностью, и никакая феноменологическая редукция не способна доставить нас «назад к вещам». «Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника» [7, с. 471]. Обретение символической системы «целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности — он живет как бы в новом измерении реальности» [7, с. 470—471].

Символическое, которое на уровне социальности, построенной на мифе древнего человека, позволяло осуществляться обмену без остатка за исключением случаев подделки, а в эпоху «сакрализованного» мирского почти всегда было поражено проказой и всегда оставляло «золу дискурса», сегодня переживает очередную метаморфозу. Отныне символы не склонны отсылать к «другому берегу», путеводные знаки, прибитые к придорожным столбам, сменяются электронными указателями, которые могут быть модифицированы введением новой команды при любом изменении текущей ситуации, а с какого-то момента стремятся замкнуться в собственном поле и отсылать только друг другу. Причем определить, отсылает ли такой знак к некой ускользающей величине «реального» мира или к другому знаку, становится все сложнее. Некогда родившись из символического измерения, понятие «реальности» снова начинает все настойчивее скользить в направлении смещения с той сферой, в которую сегодня выродилось символическое. Конечно, для этого понадобилось сперва освободиться от изначального порядка символического, что и было достигнуто путем противопоставления двух реальностей — земной и трансцендентной — и утверждения единственности реальности, достоверно доступной человеку.

Расслоение реальности в направлении все большей кажимости приводит к новой мутации социального — возникновению того, что Ги-Эрнест Дебор назвал обществом спектакля [6]. Этот спектакль не знает какого-то определенного режиссера, никто не видел заранее прописанного сценария, которого актеры обязаны придерживаться. Из этого театра изгнаны зрители, актеры играют сами для себя. Хотя правильнее сказать, что зрители были не изгнаны из театра, а, наоборот, приглашены на внезапно ставшую безграничной сцену — играть, казаться.

Спектакль — это не символическое отношение между человеком и миром, где поле социального мыслилось лишь одной из областей реализации этого отношения; спектакль даже «не совокупность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами». Собственно говоря, образы-символы сегодня сменяются образами-знаками. Эти образы суть знаки неких преходящих величин a , b , и c , когда-то считавшихся проекциями величин A , B и C , но все чаще это знаки переменных x и y . Эти образы суть, прежде всего, знаки отличия. Чтобы в ничтожно краткий миг, равный по длительности жизненному сроку уравнения с подставленным конкретным значением, одна переменная отличалась от другой.

Как мы помним, акт творения мира, как правило, характеризуется проведением первого и наиболее фундаментального различия — разделения Неба и Земли. Именно на идее вертикального, т.е. иерархического различия строится известный людям божественный и человеческий порядок. Именно в зиянии этого разрыва божественное и является человеку во всем многообразии своих масок. Спектакль — это тоже маски, но эти маски надевают люди, ходящие по одной сцене. Каждый из них надел ту или иную маску, каждый держит еще десяток в запасе, как тузы в рукаве. Символический обмен сегодня — уже не просто порождает остаток, он и склонен уже осуществляться ради извлечения и театрального позиционирования этого остатка. Ибо шум у нас более ценен, нежели тишина, след — нежели чистота, нарциссизм — нежели наслаждение от собственного исчезновения, а искренность становится нарочитой до притворства. Спектакль как и всегда играет отличиями в поле нарушенной целостности, но в отличие от античной трагедии или древней мистерии, которые через катарсис или мистическое слияние человеческого и божественного начал стремились вернуть человеку утраченную гармонию, спектакль ни в малейшей степени не заботится о целостности — только о дробном.

Утратив способность жить благодаря различиям, различению Неба и Земли, утверждающему порядок, остается научиться черпать силы из наиболее «современного» источника — из хаоса. Речь пока не идет о тотальном хаосе — только об игре с хаосом, заигрывании с ним, силы обретаются из балансирования на грани между уже-не-порядком и еще-не-хаосом.

Вертикальный разрыв может служить колоссальным источником энергий, разделение общества спектакля — разрыв преимущественно горизонтальный, он способен к порождению значительно более слабых интенсивностей, как уже отмечалось, в силу того, что полюса различия разнесены прежде всего количественно, нежели качественно.

Обращение к образу как к эссенциальному посреднику между людьми, имеем ли мы в виду прежде всего коммуникацию или иные значимые интеракции, ведет к имплозийному взрыву «единственной» реальности, какой ее мыслили в последнее время, и ее дроблению на относительно самодостаточные миры. Умножение реальности, в отличие от ее удвоения, не требует обязательной расстановки приоритетов, отныне реальности факультативны: игры, предполагающие похищение человека из повседневной жизни, обогащающие само понятие жизни, существовали всегда, однако в поле Игры, как и практически во всем остальном, человек сегодня впервые обретает такую широту и вариативность выбора (игровые технологии, коллективные ролевые игры, компьютерные игры). Виртуальное пространство, internet в невиданном ранее масштабе катализируют расслоение единственной реальности, выводят его на принципиально новый уровень.

Множащиеся сегодня реальности, в отличие от традиционного удвоения реальности, соотносятся между собой горизонтально. Тем не менее виртуальные реальности определенно выходят сами и выводят человека за пределы плоскости повседневной телесной реальности. Надстраиваются ли они над привычной нам реальностью или образуют всего лишь недореальность, которая никогда не поднимется на один уровень с «исходной» — статус виртуальных реальностей еще далек от однозначности, однако они все изощреннее и все настойчивее входят в нашу жизнь, так, что само понятие «повседневной» реальности начинает эмоционально и операционально переноситься и на реальности виртуальные, которые уже почти столь же «привычны», как и первая.

Постепенно отпадает вопрос о том, является ли киберпространство и виртуальные реальности только функциональным придатком, приложением к реальности, которую мы привыкли считать первичной для нас. Измерение информационных сетей все более утверждает за собой роль чего-то большего, чем просто всемирной библиотеки, мировой свалки полезных и бесполезных вещей или коммуникационным протезом, вроде новой инкарнации телефона.

Формируется новая топология, существующая параллельно той, которую знали люди доинформационной эры. Человек также открывает для себя новое измерение времени, новую хронологию. Новое измерение времени имеет свои ритмы, свои часы пик и т.д. Внешне оно структурируется сообразно времени досуга, но имеет и свою внутреннюю логику. Скорость перемещения в новом пространстве зависит уже не столько от объективной скорости информационных сетей, сколько от персональных способностей путешествующего субъекта — прежде всего от его умения ориентироваться (некий виртуальный вестибулярный аппарат), от его навыков организации киберпространства вокруг себя, способностей к гиперпространственным переходам. Новое время, в отличие от привычного физического, может быть дискретным, характеризующимся любыми разрывами. Некогда человек обнаружил, что его социальное время течет иначе, нежели время физическое, а социальное пространство структурировано иначе, чем пространство физическое. Теперь человек переживает зорю киберсоциального времени и киберсоциального пространства... Хотя, скорее, все было наоборот, и человек некогда обнаружил как раз некие физическое время и физическое пространство, несовпадающие с привычными ему временем и пространством. Киберсоциальные формы пространства и времени, как кажется, в гораздо большей степени организуются принципом, объединяющим сообразно определенным смыслом, нежели каким либо из принципов, организующих физический мир. И в этом нет ничего удивительного, поскольку киберсоциальное есть лишь развитие социального, и человеческий компонент, изобретающий или транслирующий смысловые связи, по-прежнему остается в нем определяющим. Более того, этот человеческий компонент, обретая новую степень свободы и творческой реализации, все в меньшей мере оказывается ограничен каузальными связями физического мира, что и делает более очевидными для наблюдателя связи смысловые.

Изучение положения человека в информационных сетях позволяет утверждать, что человек оказывается в принципиально отличной экзистенциальной ситуации, открывает совершенно новый экзистенциальный опыт. Помимо свободы перемещения и коммуникации, киберпространство предоставляет человеку практически неограниченную свободу презентации собственного «Я», процесс моделирования которого оказывается освобожден почти от всех обусловленностей и предзаданностей. Едва ли, конечно, киберличность сможет оказаться полностью преодолевшей свой сущностной корень, кантовское трансцендентальное единство апперцепций, однако творец своего виртуального «Я» может произвольно дробить это единство на различные под-единства и осуществляться в развитии нескольких своих альтернативных «Я». Произвольность и игровой момент, все определеннее проявляющий себя в нашей жизни, и есть то, что отличает этого самодробящегося, бесконечно альтер-эго-субъекта от клинического шизофреника.

Вместе с тем, виртуальные миры оказываются новым полем для фундаментального вопрошания о бытии, с которым человек приходит в этот мир и ответ на которое с тем или иным успехом ищет всю жизнь.

Свобода индивидуального поиска, равно как и не-поиска, расширяемая множасьими реальностями, наряду с открывающимися просторами самореализации и самопознания дает и вполне определенную симптоматическую картину, вновь возвращающую нас к сегодняшнему положению человека в мире. Вильям Гибсон рассматривает киберпространство как согласованную галлюцинацию. Это мечта всех фантазеров и сновидцев — разделить свое видение с Другим. Еще большая мечта — сделать согласованный сон явью, сместить его статус с галлюцинации на реальность. Собственно уже сама согласованность выводит галлюцинацию с острова солипсизма на уровень определенной общезначимой реальности. Но одновременно с тем, как галлюцинация стремится стать все более согласованной, захватить в себя все больше галлюцинирующих, наблюдается и встречный процесс: сама реальность медленно сползает к тому, чтобы стать рассогласованной.

Если кто-то верит в то, что в его персональном компьютере живут гремлины, чьей деятельностью он обязан безупречным функционированием этого устройства или же, наоборот, его сбоями, — это еще не есть начало религиозно-метафизического дискурса в его современном воплощении. Если вы убеждены, что, собрав воедино неодушевленные составные части компьютера — процессор, платы, информационные накопители и прочие комплектующие, — вы пробуждаете к жизни нечто отныне одушевленное, то вы лишь исповедуете некий киберанимизм, кибервитализм или продолжаете философскую линию тех, кого принято считать гиллозоистами. Иным статусом обладают суждения, например, о том, что информационные технологии выступают в качестве средства, благодаря которому (возможно, наряду с другими) человек — но, может быть, и мир посредством человека — обретает возможность, все более дифференцируясь, разбегаясь, на физическом уровне, стяжать утраченное единство на уровне информационном. Или опасения, как бы эти технологии не послужили еще одним гигантским шагом на пути к утверждению единообразия, унификации, т.е. всесмешения, размывания порядка и наступления хаоса.

Не будем отказывать в праве на истинность и комплексной концепции, объединяющей первые две. Достаточно и поверхностного взгляда, чтобы увидеть стигматы, свидетельствующие о реальной приложимости обеих концепций. Глобализационные процессы — при всех издержках, при всем противодействии, оказываемом им, при совершенно различном темпе протекания в разных регионах и культурных средах — все более закрепляют за собой статус неотвратимого, статус судьбы во множестве ее ликов, которая ведет покорного и тащит упирающегося. И то, что, как отмечают ведущие теоретики постиндустриального мира, современная волна глобализации напрямую связана с переходом к информационному обществу, со всеохватывающими процессами информатизации, может рассматриваться как феноменологическое подтверждение этой метафизической парадигмы. Гегель, вероятно, и не грезил о подобных просторах, открывающихся перед абсолютной идеей в ее самопознании. Однако от единства на уровне информационных сетей и информационных процессов до внутреннего, метафизического единства еще остается сделать шаг. И этот шаг в настоящих условиях может быть сделан не в направлении сущностного единства, а в направлении феноменологического единообразия. Не важно, сохранится ли формально культурная и идейная поливариантность.

При этой неопределенности относительно метафизического единства на информационном уровне, процессы, ведущие к постепенному распаду порядка, к хаосу в его метафизическом или аллегорическом смысле, значительно более убедительны. И если обратить внимание на то, что в рамках человечества как глобализационные процессы, так и процессы дробления и диссипации расходятся волнами из единого источника (и не так уж важно, что он называется Западом), то вполне резонно было бы предположить, что они являются различными сторонами одного явления. Хаос необходим глобализации, чтобы раздробить, растворить еще сохранившиеся стержни, способные противостоять ей, ослабить значимость иных полюсов. Но и глобализация необходима хаосу, чтобы тот смог постепенно охватить всю тотальность человеческого космоса.

Вне зависимости, стоит ли за объединением человечества на информационном уровне некий Абсолютный дух или нет, нам, похоже, все-таки предстоит познать те или иные формы хаоса. Для любой жизни, как биологической, так и социальной, крайне необходимы и порядок, и хаос, но, тем не менее, основой известной нам жизни должна служить некая относительная упорядоченность. Хаос же защищает жизнь от стагнации в полной заорганизованности, собственно, вносит в порядок саму жизнь. Однако этот хаос омывает остров порядка, а не затопляет его. И, встречая некоторые проявления хаоса, мы все же живем в упорядоченном мире.

Вероятно, нам предстоит пережить совершенно отличный опыт — мы еще никогда не знали хаоса как основу и порядок в качестве приходящего гостя.

Интересно, что в рамках постнеклассической науки наблюдается повышенный интерес к таким явлениям, как неустойчивость, неравновесность, нелинейность, бифуркации. Мир мыслится не столько как упорядоченная структура, сколько как хаос с дрейфующими в нем случайными сгустками организации вокруг того или иного аттрактора. Хаос как категория и как модель выходит на авансцену различных исследований в самых разных науках, как физических, так и социальных. И, более того, эти теории очень часто кажутся убедительными и более адекватными, нежели классические концепции, основанные вокруг идеи порядка.

Не повторяя основных положений этих теорий, задумаемся над проблемой иного характера: в какую эпоху возможен Хаос как ценность и модель? Не являются ли подобные воззрения начавшейся трансформацией коллективного сознания, при его смещении от порядка к хаосу? И осмелимся хотя бы гипотетически озаглавить еще одну проблему: если постнеклассические теории неустойчивости способны объяснить мир более адекватно, нежели предшествующие им, то только ли в развитии человеческого знания дело или же резонно допустить и наличие определенных изменений в самом мироздании? Из современных теорий мы знаем о том, что энтропия вселенной постоянно увеличивается, а энтропийные процессы все ускоряются.

Также здесь налицо еще одна закономерность, которая очевидно имеет менее гипотетический характер. Распространение хаотической модели неразрывно связано с определенным событием, которое человек пережил сравнительно недавно. Речь снова идет о смерти Бога, или о его убийстве, в зависимости от нашего подхода. Хаос сумел так глубоко войти в умы ученых и философов не раньше, чем умер Бог, до той поры служивший нерушимым гарантом упорядоченности.

Очевидно, что хаос характеризуется нарушением или отсутствием тех связей, которые и образуют порядок. Необычайно важным является вопрос, нарушением каких связей является хаос — причинно-следственных или смысловых? Или и тех, и других? Ответ на этот вопрос, прежде всего, проистекает из наших представлений о природе вещей. Теоретики постнеклассической науки склонны возвеличивать роль случайности, которая, конечно, произвольно вспарывает полотно причинно-следственного детерминизма, заставляя его развиваться от лапласовского к вероятностному и дальше к теориям, которые уже можно было бы назвать вероятностным индетерминизмом. Ясно, что для этих ученых хаос есть нарушение причинности, но они, будучи детьми современной ментальности, как правило, и не допускали наличие иных связей в мире, помимо причинно-следственных. Тем самым некоторые смысловые связи, в основном, даже и не принимались ими к рассмотрению, будучи заочно признаны несуществующими или неустановимыми. В то время как наличие смысловой взаимосвязи между явлениями могло бы способствовать более человеческому, более включенному и, наверно, более правильному для нас пониманию места человека в мире. Например, в вопросе соотношения распространения Хаоса как ценности и модели и реальных космических процессов. Кроме того, признание смысловых взаимосвязей (как, например, в рамках юнгвской концепции синхронистичности [10]) могло бы сблизить научный поиск с поиском человеком своего бытия и его смысла — возможно, того вопроса, искать ответ на который мы и приходим в этот мир.

Чтобы хаос, безжалостный к каузальным зависимостям, был бессилен перед зависимостями смысловыми, требуется совершенно особое положение смысловых связей: они должны стоять не только за миром порядка, наравне с каузальными взаимозависимостями, но, кроме этого, должны в некоторой форме присутствовать и за беспорядком. Именно их наличие в мире хаоса в обращенной или латентной, потенциальной форме и может позволить нам говорить о творении космоса из хаоса, известного древним, или о грядущем собирании вселенной в точку, сообразно теории пульсирующей вселенной.

Что может остановить хаос? Единое, растворенное во множестве, как имя бога, как его плоть и кровь. Что может привести к рождению нового космоса? Семя этого будущего мира, принцип этого будущего мира. Этот принцип и есть смысл мира, его Дао. Соотнесенность между явлениями сообразно этому смыслу и может порой быть доступна нам посредством обмена символов и смыслов.

Смысл, принцип мира, возможно, будучи достаточным для мира, нуждается в оболочке, чтобы быть воспринятым человеком. Очевидно, что однажды изношенные одежды надеть очень сложно по многим причинам. В то время как традиционные формы религиозно-метафизического дискурса вполне подходят для человека традиционных культур, весьма трудно ожидать их безоговорочного принятия «человеком западного менталитета», выросшего на положениях материалистического монизма, либерализма и прагматизма. Потому-то в своей отчаянной и неизбывной мечте постоянно быть соотнесенным с миром в его целостности чело-

век и открывает для себя все новые и новые формы этого дискурса, прозревает до все новых и новых масок божественного, сама множественность которых, сам маскарад, наконец, и позволяет ему узреть нечто, выходящее за пределы материально-предметной действительности, за пределы его жизни и смерти. Поэтому-то и не прекращаются поиски другого берега, его штурм с помощью химических посредников или медитативных техник. Поэтому-то и так легко завлечь человеческую душу моделями псевдо-сакрального, претендующими хоть чем-то заполнить вакуум на месте подлинно сакрального. В этом — исток страсти, исток всего истинно человеческого — любви, творчества — в этой жажде полноценного бытия.

Ясно, что в тяжелые и трагические эпохи религии выполняли и компенсаторную функцию. Недостаток материального компенсировался нематериальным. При том, что жажда подлинного бытия сохраняется и сегодня, очень сложно предложить обычному человеку Божественное на тех же основаниях, что и раньше. Да, положение человека в мире остается столь же трагичным, что и раньше, он все так же заброшен в мир и заброшен в мире, но определенная гарантированность материальных благ, достигнутый уровень проведения досуга способны сделать чувство экзистенциальной неполноты куда менее резким, а в большинстве случаев практически забытым, до неузнавания смутным. В этом-то их и цель: заменить один «опиум» другим. Не будем еще раз задаваться вопросом, что остается человеческого в человеке, если он уже больше и не задумывается над тем, что значит быть человеком — отметим, что требовать от западного человека полного ухода от здесь-и-сейчас жизни, как правило, уже невозможно; да, может быть, это и не является обязательной частью отношений с надфизическим миром. Возможно, новые модели этих отношений могут быть названы понижением планки, конформизмом и сдачей позиций, но, возможно также, что это необходимая адаптация этих отношений сообразно современному положению вещей, одна из тех адаптаций, что уже не раз имели место в человеческой истории. А быть может, другой альтернативы для западного мира и нет. Выходя в своих исследованиях на трансперсональные уровни сознания, Гроф, к примеру, не стремится всецело отвлечь человека от забот и щедрот этого мира. Его задачей является перемещение акцентов, но не отрицание значимости биологического и социального бытия человека. Предполагая наличие высших уровней существования, Гроф предлагает относиться к текущему уровню как к космической игре [4].

Игра была известна человеку испокон веку. Хейзинга недаром определяет игру как неотъемлемую характеристику человеческого существа, хотя, возможно, он и абсолютизирует ее исключительно человеческую принадлежность. Некоторые формы игры предполагают частичное или полное отождествление человека и бога, то или иное смешение человеческого и божественного порядков. Катарсис, достигаемый такой игрой, способен заставить человека прозреть хотя бы на один глаз, стать тем одноглазым в царстве слепых. Игра, доступная современному человеку — преимущественно профанная или неосознанная Игра в бисер уже выработанными и законсервированными достижениями. *Magister Ludi* отступает в тень, сегодня игра отдана ученикам и недоучкам, опущена на наиболее приземленный уровень.

Гроф поднимает принцип игры на космический уровень. Ссылаясь на индуистские тексты, говорящие о мире как о «лиле», т.е. Божественной Игре, Гроф обращает наше внимание на такие характеристики божественного начала, как веселье, довольство собой и космический юмор. Одно из наиболее знаменательных выражений этого юмора заключается в открытости человеку нигилистических и атеистических убеждений. «Что же до атеиста, — пишет Гроф, — то через него, крайнее выражение своего художественного мастерства, божественное превосходно выдвигает доводы не только против своего участия в творении, но и против самого своего существования» [4, с. 173].

Древние тексты служат для Грофа лишь подтверждением, что то, к чему он с его единомышленниками пришли в ходе исследований сознания в конце XX в., было известно человеку на протяжении тысячелетий. Наподобие того, как кибернетические миры выступают в качестве виртуальных реальностей относительно материального мира, наш материальный мир, а также вообще все явленные миры оказываются лишь виртуальными продолжениями мира Изначального Сознания. Следовательно, наше пребывание в одном из явленных миров принципиально не отличается от наших путешествий в миры виртуальных реальностей, которые, как мы признаем, носят несколько условный, произвольный, игровой и творческий характер.

Клинические исследования, философски осмысленные и преломленные в зеркале общечеловеческого культурного наследия вынуждают Грофа прийти к признанию факта, что одним из правил Космической Игры является табу на знание того, кто ты. Проявляется ли в этом уже упоминавшийся юмор творца или его забота о нашем развитии, помимо самого табу, человеку дается множество намеков и знаков, отсылающих нас к нашему истинному положению в космическом миропорядке. При этом жизнь нашего «телесного Я» в феноменальном мире не отрица-

ется, а преображается. «Мы продолжаем отождествляться с «кожезакапсулированным эго» ради осуществления практических намерений, но подобная направленность становится все более и более временной и игровой. И когда у нас создается достаточное переживательное знание надличностных измерений сущего, включая знание нашей собственной истинной самобытности и высокого космического положения, то обыденная жизнь становится намного более легкой и вознаграждающей» [5, с. 354].

Общество спектакля, будучи историческим социальным явлением, разрастается до размеров космической драмы, где каждый отдельный актер и драматург, оторванный от любых корней и погруженный в озеро Нарцисса, вновь обретает свои сущностные характеристики, среди которых неразрывное единство с высшим началом и соучастие в творении мироздания.

Все грани человеческого бытия существуют не сами по себе, иначе бы они не относились к единому бытию, а принадлежали бы двум или более бытиям.

Каждый фрагмент обладает смыслом не сам по себе, а будучи уже самой нашей предвзятостью взят в комплексе с определенным набором других фрагментов, с которыми он связан каузально либо по смыслу. Если причинно-следственные зависимости являются связями внешнего порядка, то зависимости смысловые претендуют на статус более глубоких, сущностных, внутренних. Связи внешнего порядка, как правило, поддаются той или иной форме экспериментального наблюдения и лучше всего могут быть зафиксированы дискриптивно и облачены в форму стерильных, по сути безразличных к человеку закономерностей, в то время, как внутренние связи склонны ускользать от бесстрастного аналитизма, они требуют включенности, определенной открытости сознания и наилучшим образом раскрывают себя человеку посредством символов.

Бытие тем полнее, чем больше его граней явлено человеку. Символ, явленный сам по себе, — не символ, а лишь красивый, но бессмысленный мазок, взятый с гениального полотна, нота, нелепо вырванная из симфонии. Суть символа — в отсылании к тому, что он символизирует, жизнь символа — только в тех или иных формах связи с другими символами, вместе с которыми он образует единое символическое пространство, раздвигающее смысловые горизонты человеческого бытия. Символ обменивается на символ или семью символов, благодаря этому смысл и находится в постоянном движении, охватывая собой максимальное количество знаков, мыслей, чувств, судеб. Смысл непрерывно скользит по значимым линиям этого символического пространства, делая осмысленным все бытие. Он зависает только там, где произошел разрыв символического поля, и символы продолжают существовать, уже никуда не отсылая. Он вязнет в этой стоячей, «мертвой» воде и постепенно вываливается из символического пространства в пространство предметно-функциональное. Там смысл и теряется, ибо предметы всегда выступали в качестве символов, отсылая к чему-то еще, но никогда не являлись последним смыслом и не питали жизненной силой движение смыслов по символическому пространству. В этом и заключается драма плохой поэзии, драма, когда после обмена символов остается осадок, когда деление, т.е. распределение смысла по множеству граней бытия, производится с остатком. И мир является человеку не драгоценностью, а лишь камнем несовершенной огранки, кривым зеркалом, где навсегда заключена ставшая несбыточной мечта о красоте и гармонии.

Полноценным бытием было бы то бытие, у которого каждая грань находила себя включенной в символическую игру, т.е. обменивалась бы на другой символ или семью символов без остатка в виде пустых символов или бессмысленных предметов, то бытие, у которого ни одна грань не выпадает, не оказывается оторванной от остальных, то бытие, которое бы преодолело собственную фрагментарность. Именно такое бытие следовало бы считать подлинным бытием. Символическим полем для такого бытия могло бы стать только поле, способное последовательно охватить и наделить смыслом его грани все без исключения. Наслаждение от обмена без остатка и есть экстаз мистика, переживающего единение с абсолютным началом мира, отныне все бытие явлено ему как единое. Наслаждение такого рода должны были знать святой Франциск или Чжуан-Цзы, когда сущее предстало перед ними в форме той или иной гармонии. Расчлененное тело Осириса собрано воедино его супругой Исидой, Осирис возрождается в формуле тотальности мироздания, и все мироздание возрождается вместе с ним. Но для того, чтобы возродиться единым, необходимо оказаться разъятым на части, *anathema*, раздробленное имя бога, для того и растворяется, чтобы охватить собой всю множественность и дать этой множественности полноценное бытие. Возрожденный бог, явленный как целое, уже не есть зола остатка от дурной поэзии, ибо он не просто стоит рядом с человеком, накрывая своей тяжестью все мироздание, а именно в его целостности человек обретает все грани своего бытия в качестве части тотальной множественности и одновременно ее подобия, сам становясь целостностью, единым.

Ссылки:

1. Michael Heim. The Metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice and promise / Ed. Sandra K. Helsel and Judith Paris Roth.Meckler. Westport and London (1991).
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла. М.: Добросвет, 1997.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
4. Гроф С. Космическая игра. М.: Изд-во Трансперсонального Института.
5. Гроф С. Психология будущего. М.: Изд-во АСТ и др., 2001.
6. Дебор Ги-Эрнест. Общество спектакля. М., 2000.
7. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
9. Липовецки Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма. СПб.: Владимир Даль, 2001.
10. Юнг К. Г. Синхронистичность: акаузальный объединяющий принцип // Юнг К. Г. Синхронистичность. М.: Рефл-бук, 1997.

References (transliterated):

1. Michael Heim. The Metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice and promise / Ed. Sandra K. Helsel and Judith Paris Roth.Meckler. Westport and London (1991).
2. Bodriyyar ZH. Prozrachnost' Zla. M.: Dobrosvet, 1997.
3. Bodriyyar ZH. Simvolicheskiy obmen i smert'. M.: Dobrosvet, 2000.
4. Grof S. Kosmicheskaya igra. M.: Izd-vo Transpersonal'nogo Instituta.
5. Grof S. Psikhologiya budushchego. M.: Izd-vo AST i dr., 2001.
6. Debor Gi-Ernest. Obshchestvo spektaklya. M., 2000.
7. Kassirer E. Opyt o cheloveke. Vvedeniye v filosofiyu chelovecheskoy kul'tury // Kassirer E. Izbrannoye. Opyt o cheloveke. M.: Gardarika, 1998.
8. Liotar ZH.-F. Sostoyaniye postmoderna. M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; SPb.: Aleteyya, 1998.
9. Lipovetski ZH. Era pustoty. Ocherki sovremennogo individualizma. SPb.: Vladimir Dal', 2001.
10. Yung K. G. Sinkhronistichnost': akauzal'nyy ob'yedinyayushchiy printsip // Yung K. G. Sinkhronistichnost'. M.: Refl-buk, 1997.